

Экономика и право

С.И. Архипов, канд. юрид. наук, доц.,
ГОУ ВПО УрГЮА, Екатеринбург

ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО КАК ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В статье дается анализ существующей нормативной конструкции юридического лица, формулируются те проблемы и противоречия, которые вытекают из законодательной дефиниции и определяются пути их решения. Автор иначе, чем это делается в литературе, определяет сущность, природу юридического лица, выделяет разные порядки сущности юридического лица.

Конструкция юридического лица, понимаемая как сложившаяся нормативная схема регулирования некоторой части общественных отношений [1, с. 245-246, 252], выполняет важную роль в правовой регламентации имущественного оборота. От того, насколько она является разумной, рациональной, зависит эффективность деятельности субъектов предпринимательства, всей экономической сферы, ведь сегодня главными участниками экономических отношений выступают именно юридические лица. Р. Иеринг, оценивая социальное значение юридических конструкций, называл удачную юридическую конструкцию подвигом, деянием, имеющим постоянную цену, неудачную – как абсолютно не имеющую цены [2, с. 81].

В статье 48 Гражданского кодекса РФ под юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Из данного определения традиционно выделяются четыре квалифицирующих признака юридического лица (в частности, Е.А. Сухановым, М.И. Брагинским, И.В. Матанцевым, Д.А. Медведевым и др.): а) организационное единство (организация, согласно этому критерию, должна составлять единое целое); б) имущественная обособленность (означает наличие у организации имущества на праве собственности либо на праве хозяйственного ведения, либо на праве оперативного управления); в) самостоятельная имущественная ответственность (учредители, участники, а равно иные лица по общему правилу не отвечают по долгам юридического лица); г) выступление в гражданском обороте от своего имени (организация имеет возможность от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде). В законодательных актах других государств некоторые из вышеназванных признаков также получили закрепление, часть – нет, но получили закрепление иные, которые не упоминаются в ст. 48 ГК РФ. В частности, обычно указываются такие признаки юридического лица, как: 1) независимость существования юридического лица от входящих в его состав участников; 2) обладание самостоятельной волей, не совпадающей с волей отдельных

лиц, входящих в него; 3) наличие у юридического лица имущества, обособленного от имущества участников; 4) самостоятельная ответственность юридического лица по своим долгам принадлежащим ему имуществом; 5) возможность совершать юридическим лицом от своего имени сделок, дозволенных законом; 6) право юридического лица искать и отвечать в суде от своего имени [3, с. 17]. М.И. Кулагин отмечает в связи с указанными признаками наличие устойчивой тенденции понимания законодателем юридического лица в качестве коллективного образования [3].

В какой степени приведенные в ГК РФ признаки и само определение юридического лица являются корректными, выражают сущность, правовую природу юридического лица? Действительно ли сформулированные законодателем признаки юридического лица охватывают с внешней (формальной) стороны все разновидности тех субъектов права, которые относятся им к данной группе субъектов права, а также с точки зрения содержания (с внутренней стороны) являются важными, существенными? Прежде всего, с позиции понимания организации как коллективного образования значительную группу субъектов права («компании одного лица») нельзя относить к юридическим лицам, так как они не являются организациями в собственном смысле слова (именно в том смысле, который имеет в виду сам законодатель). О какой компании – юридическом лице может идти речь, где один участник – сам себе компаньон, и как можно представить организационное единство этого юридического лица? С другой стороны, почему человек не может участвовать в правоотношениях, иметь права и обязанности не только в качестве «частного лица» (физического лица), но при соблюдении определенных законом условий и в качестве юридического лица? Почему человек может выступать в качестве индивидуального предпринимателя (без образования юридического лица), быть органом юридического лица, государства, муниципального образования и при этом не смеет пользоваться теми возможностями, которые дает форма юридического лица? Нельзя сказать, что правовому сознанию вовсе чужды представления о человеке как юридическом лице, ведь англичане вполне представляют в качестве единоличной корпорации своего монарха или епископа Кентерберийского. Если же взять континентальную Европу, то некоторые монархи, как известно, вполне свободно мыслили себя даже в качестве государства. В этой связи важно заметить, что если законодательно не обуславливать существование юридического лица наличием коллективного субстрата, то перед юристами и экономистами открываются совершенно иные возможности использования формы юридического лица в экономических и правовых отношениях. Законодатель мог бы создать принципиально иную конструкцию юридического лица, более приближенную к человеку, его экономико-правовым интересам.

Второй квалифицирующий признак юридического лица, выводимый из легального определения, – наличие у него обособленного имущества на праве собственности, на праве хозяйственного ведения либо на праве оперативного управления, также вызывает принципиальные возражения. Проблема заключается не только в том, что субъект права как субъект воли овеществляется законодателем и превращается в коллективно-имущественный субстрат под тем

предлогом, что гражданское право регулирует имущественные отношения. Но она состоит и в том, что конструкция юридического лица уже давно используется также в других отраслях права. Иные отрасли права, не имея соответствующей общеправовой конструкции, вынуждены приспособлять её под себя. Да и для самого гражданского права возникает множество проблем, связанных с использованием данной конструкции. Во-первых, государство, муниципальные образования не совсем вписываются в эту конструкцию, и законодатель вынужден либо не признавать их юридическими лицами, либо искать пути разрешения возникающих в этой связи противоречий. Во-вторых, изменяется сам предмет гражданско-правового регулирования, гражданское право регулирует не только имущественные, но и значительную сферу неимущественных отношений (гражданско-правовая сфера всё более дематериализуется). В-третьих, субъектами гражданского права являются не только коммерческие организации, но и множество некоммерческих организаций, для которых вышеназванный «имущественный» критерий вовсе не является значимым. Все это, на наш взгляд, приводит к тому, что гражданское право, пытаясь достраивать на старом фундаменте конструкцию юридического лица, создает реальную угрозу разрушения всей этой конструкции ввиду слабости, зыбкости её оснований.

Некоторые возражения по поводу критерия принадлежности организации - юридическому лицу имущества на праве собственности, на праве хозяйственного ведения либо на праве оперативного управления уже раздаются среди представителей гражданско-правовой науки. Так, в комментарии к ГК РФ (части первой) под ред. О.Н. Садикова отмечается то обстоятельство, что некоторые юридические лица (инвестиционные институты и другие) не имеют имущества на правах собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления; всё их имущество может состоять в средствах на счетах в банках, а помещения и оборудование они арендуют. Из текста п. 1 ст. 48 ГК возможен вывод (и иногда его делают), что не может быть признана юридическим лицом организация, не обладающая имуществом на одном из перечисленных прав. С этим выводом, считают авторы комментария, согласиться нельзя. Однако в целом они не отрицают признак имущественного обособления юридического лица, их возражения касаются главным образом того, что обладание имуществом сводится к одному из трех вышеназванных вещных прав; такое обладание имуществом, по их мнению, может отсутствовать при наличии другого признака – обособления имущества посредством иных правовых форм.

На наш взгляд, если рассматривать юридическое лицо как понятие общеправовое, то не следует совсем обуславливать существование данного субъекта права наличием у него имущества. В имущественном критерии юридического лица проявляется один из давних стереотипов гражданского права, корни которого уходят еще в римское частное право, заключающийся в отношении к субъектам права через призму имущественного интереса. Субъект права здесь оценивается, берется не сам по себе, а как владелец имущества, собственник, арендатор, даритель..., *как часть имущества, его принадлежность*. Но юридическое лицо вполне может быть представлено и без имущественных обременений. Для него имущество – это лишь внешнее условие его существования (ино-

гда – необходимое, иногда – нет), но никак не сущностный, не квалифицирующий момент, без которого он перестает быть субъектом права. Момент принадлежности имущества юридическому лицу принципиально не влияет на его правовую личность. Он имеет значение при определении возможности *уже существующей юридической личности* осуществлять тот или иной вид деятельности. Без этого имущества конкретный вид деятельности не может быть согласно праву осуществлен организацией. И ещё, само включение условия об обладании организацией имуществом на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления, на наш взгляд, предопределяет способ построения конструкции юридического лица. Заявив это условие, законодатель, тем самым, лишил себя возможности создать данную конструкцию безотносительно к отдельным видам юридических лиц. *Он вынужден создавать конструкцию юридического лица не как действительно общую модель, а как нормативную схему, охватывающую совокупность частных организационно-правовых форм.* Он значительно усложнил себе задачу, сделав её трудно выполнимой, а саму конструкцию слабой, рыхлой.

Если обратиться к основным положениям главы 4 ГК РФ, то можно заметить, что почти в каждой статье законодатель вынужден, рассматривая юридическое лицо вообще (безотносительно к его разновидностям), соотноситься с частными формами (коммерческими и некоммерческими организациями, производственными кооперативами, религиозными организациями и т.д.). Если бы даже он хотел создать общую модель безотносительно к отдельным видам организаций, то при содержащихся в его определении юридического лица посылках, *при самом подходе к юридическому лицу как коллективно-имущественному образованию*, это было бы невозможно. Нормативная конструкция юридического лица вовсе не исчерпывается закрепленной в ст. 48 ГК его легальной дефиницией. По существу положения данной статьи не имеют прямого действия, они отсылают к нормам, регулирующим отдельные организационно-правовые формы. Когда законодатель говорит о том, что юридическим лицом признаётся организация, то он имеет в виду не всякую организацию, а установленную законом конкретную организационно-правовую форму. Такой же смысл имеет положение об имуществе организации. Так, критерии имущественной обособленности, конкретные требования, предъявляемые в отношении имущества, активов юридических лиц можно найти лишь в нормах, регулирующих отдельные организационно-правовые формы. Следовательно, признаки, содержащиеся в легальной дефиниции юридического лица, сами по себе еще не составляют целостную конструкцию юридического лица; лишь в единстве с нормами, устанавливающими конкретные организационно-правовые формы юридических лиц, они образуют действительную нормативную схему регулирования отношений, касающихся данного правового субъекта.

Третий признак юридического лица (самостоятельная имущественная ответственность) тесно связан с предыдущим, является производным от него. Он также вызывает возражения принципиального характера по тем же основаниям. Почему применительно к юридическим лицам выделяется в качестве необходимого признака лишь имущественная ответственность? Почему не закреп-

пляется положение о самостоятельной юридической ответственности лица вообще? В самом Гражданском кодексе РФ, например, в случае нарушения установленных требований (по количеству участников закрытого акционерного общества, числу участников общества с ограниченной ответственностью, общества с дополнительной ответственностью, по стоимости чистых активов организации и др.) предусматривается возможность ликвидации юридического лица в судебном порядке. Указанная мера вполне соответствует тем критериям, которые содержатся в наиболее распространенном в гражданско-правовой науке определении юридической ответственности как формы государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, заключающегося в применении к ним предусмотренных законом (в данном случае, ГК РФ) санкций, влекущих для них дополнительные неблагоприятные последствия [4, с. 38-39]. Основанием применения данной меры является нарушение нормы права (ГК РФ), сама мера есть предусмотренная Кодексом санкция за правонарушение, она заключается в государственно-принудительном воздействии на нарушителя; влечет для него неблагоприятные последствия организационного характера. Она является наиболее радикальной, крайней мерой воздействия государства на нарушителя, влечет для юридического лица «правовую смерть». В соответствии со всеми перечисленными выше критериями её следует отнести к мерам юридической ответственности, предусмотренным гражданским законодательством по отношению к юридическим лицам. В гражданском законодательстве существует множество других мер принудительного воздействия, соответствующих вышеназванным критериям, но не имеющих имущественного характера. В этой связи справедливо, на наш взгляд, замечание Е.А. Суханова о том, что гражданско-правовая ответственность отнюдь не сводится к ответственности за нарушение обязательств, как это по традиции устанавливается гражданским законодательством и воспроизводится в учебной литературе; что меры гражданско-правовой ответственности предусмотрены и в общих положениях ГК (он относит к числу таких мер отказ в охране прав в случае злоупотребления ими, ограничение дееспособности гражданина в соответствии с п.1 ст. 30 ГК, ответственность органов и учредителей юридического лица в соответствии с п. 3 ст. 53 и п.3 ст. 56 ГК и др.), и в разделе о вещных правах (в частности, в виде последствий самовольной постройки, установленных п. 2 ст. 222 ГК), также в нормах авторского и патентного права. Он полагает, что такое положение свидетельствует о недостатках действующего законодательства, не учитывающего давно сложившихся в гражданском праве реалий [5, с. 432-433].

Как представляется, применительно к юридическим лицам законодателю следует говорить не об их имущественной ответственности, а об их самостоятельной юридической ответственности вообще, имея в виду все меры гражданско-правовой ответственности, административной, финансовой и т.д. При этом логично самостоятельную юридическую ответственность рассматривать не в качестве отдельного признака юридического лица наряду с возможностью от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (следующим, четвертым, признаком), а объединить их, так как принципиально эти два момента не могут существовать раздельно.

Кроме того, представляется важным, чтобы общее определение и нормативная конструкция юридического лица содержались не в ГК РФ, а в законе конституционного характера, имеющем общеправовое значение, одинаково значимым для всех отраслей права.

Что касается четвертого признака юридического лица (выступление его в гражданском обороте от своего имени, что означает наличие у него возможности от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде), то он собственно и выражает (в единстве с самостоятельной юридической ответственностью) во внешних отношениях сам факт существования юридического лица как самостоятельной правовой персоны. В этой связи можно напомнить слова В.Б. Ельяшевича о том, что единственный момент, общий для всех без исключения юридических лиц, – это способ их выступления во вне; внутреннее строение их разнообразно, и здесь мы не можем найти ни одной черты, которая бы являлась характерной для юридической личности; поэтому *единственный* критерий юридической личности лежит в формах отношений с третьими лицами, юридическое лицо должно в обороте рассматриваться как единство [6, с. 452-453]. Он полагал, что германисты не разграничили понятие юридической личности от прочих сторон явления и эти моменты, возникшие при исследовании внутренней структуры, *внесли в само понятие юридического лица*. Этим они, по его мнению, сами закрыли себе путь к правильной оценке юридической личности, так и к непредвзятому изучению разнообразных форм ассоциаций независимо от юридической личности [6, с. 453-456]. В самом деле, попытки внести в понятие юридического лица кроме моментов, характеризующих собственно правовую личность (всё, что позволяет её определить, распознать в отношениях с другими субъектами права), также еще и организационно-структурные моменты, не только ничего не добавляют в понимании юридического лица, но и искажают представления о нём, приводят к тому, что оно отождествляется с имуществом, людским субстратом и т.д.

Нормативная конструкция юридического лица должна основываться на понимании природы и сущности данного явления. Можно выделить три порядка сущности юридического лица. Во-первых, *общесоциальную сущность*, в которой выражается внешний по отношению к праву взгляд на юридическое лицо, на его место в социальной системе. Во-вторых, *общеправовую сущность* юридического лица, выражающую собственно правовой (макро-правовой) взгляд на юридическое лицо, на его роль в системе правовой коммуникации, отношение к правовой личности человека, его правовую природу. В-третьих, *институциональную сущность*, в которой выражается та особая идея, заключенная в правовом институте юридического лица, раскрывающая внутреннюю логику конкретной правовой формы. *Общесоциальная сущность* юридического лица, на наш взгляд, заключается в том, что юридическое лицо есть форма, в которой вызревают социальные качества человека. Если индивид – это воплощение частности, обособленности, то юридическое лицо, напротив, реализует идею социализации человека, его участия в социально-правовой коммуникации, формирования и развития его социальных качеств. С помощью формы

юридического лица человек получает возможность расширить сферу своей социально-правовой жизнедеятельности, осуществлять свои интересы не только от своего собственного имени, но и через другую правовую личность. Причем на юридическое лицо по общему правилу он «возлагает» осуществление тех интересов, которые индивидуально ему реализовать невозможно или затруднительно.

Второй уровень, порядок сущности юридического лица (*общеправовая сущность*) заключается в том, что юридическое лицо *представляет собой правовую личность, созданную синтетическим путем: посредством выделения, обособления части правовых качеств, свойств человека (не связанных с его частным, «физическим» существованием) и последующего их объединения в новой форме (в рамках новой правовой внешности) в целях наиболее полной реализации его социально-правовых интересов*. Юридическое лицо – это институционализированные, получившие обособленное существование правовые свойства человека (одного или многих). Определяя общеправовую сущность юридического лица, важно подчеркнуть то, что юридическое лицо – правовая реальность, не организационная, политическая и так далее, а именно правовая! Уже сам термин, обозначающий данный феномен («юридическое лицо»), выражает правовую природу юридического лица. В связи с этим всякие попытки пробиться к пониманию юридического лица посредством определения его как некоего коллектива людей, как социальной организации, целевого имущества и т.д., на наш взгляд, методологически некорректны. Юристы, исследующие данный феномен, тем самым покидают правовую сферу, не приближаясь, а отдаляясь от поставленной им цели – установления сущности исследуемого ими правового явления. При этом надо иметь в виду то, что юридическое лицо – это не просто результат эманации (И.А. Покровский) [7, с. 151], истечения правовых элементов от человека к новому правовому «существу», когда целое (личность человека) безвозвратно передает часть своих правовых качеств создаваемому им субъекту, а продолжение, вторая сторона юридической личности человека. То есть человек до конца не теряет связь с производной от него половиной, разрыв между ними не является полным и окончательным, он имеет условный характер (условно-правовой), определяется правовыми целями участников коммуникации.

Третий порядок сущности юридического лица составляет его *институциональная сущность*. Юридическая наука рассматривает понятие организации в качестве родового для понятия юридического лица, именно в этом заключается суть проблемы. Глубинный смысл римского изобретения, по нашему убеждению, оказался не достаточно оцененным сегодня. Римляне создали уникальную правовую форму, приложимую и к государству, и к частной корпорации, и к отдельно взятому лицу, которое по тем или иным причинам не желает в праве выступать в качестве частного лица (индивида). Они создали *чистую правовую форму, воплощающую идею правовой личности вообще, безотносительно к физическому, коллективному, имущественному субстрату*. Современное правосознание поторопилось опредметить римскую форму, приложив к ней организационное содержание. После такого «усовершенствования» формы юридиче-

ского лица первородная идея, заключенная в ней, и тот правовой «дух», который долго вынашивали римские юристы, покинули её. В инженерном плане вместо изящной правовой конструкции современные нормативные системы получили нечто аморфное, заключающее в себе отношения участников юридического лица, отношения между органами юридического лица и т.д. В этой конструкции собственно юридическое лицо потерялось, растворилось во внутриорганизационных отношениях. В сущности же произошла подмена понятий: вместо абстрактной правовой личности, проявляющей себя в правовых отношениях подобно индивиду, появилось понятие юридического лица – организации. Римлянам, на наш взгляд, удалось в форме юридического лица заключить экстракт правовой личности человека. Они исключили все то, что связывает правовую личность с физическим существованием, абстрагировались от плоти, поместив в эту форму все правовые качества человека (волепоспособность, возможность идентификации, обособленность, целостность и т.д.). Созданную ими форму они пытались прикладывать к различным объектам (Калигула, например, к своей лошади). Сам человек должен был неизбежно рассматриваться, соотноситься с этой, сконструированной по его подобию, формой. При таком рассмотрении человека он сам должен был восприниматься абстрактно – не в качестве физической субстанции, что, как показал Н.Л. Дювернуа, действительно имело место [8, с. 268-288].

Конструкция юридического лица, таким образом, должна быть преобразована. Те организационно-правовые рамки, которые накладываются на неё гражданским законодательством, и понимание её как формы имущественного обособления не соответствуют сущности юридического лица.

Библиографический список

1. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки /Н.Н. Тарасов. Екатеринбург. Изд-во Гуманитарного университета, 2001.
2. Иеринг Р. Юридическая техника / Р. Иеринг. СПб. 1905.
3. Кулагин М.И. Избранные труды / М.И. Кулагин. М.: Изд-во «Статут», 1997.
4. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей / В.П. Грибанов. М. 1973.
5. Гражданское право: учебник в 2 т. Т. 1: / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Изд-во «Бек», 1998.
6. Ельяшевич В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве / В.Б. Ельяшевич. СПб., 1910.
7. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. М.: Изд-во «Статут», 2001.
8. Дювернуа Н.Л. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. Введение и часть общая. 4-е изд. СПб., 1902.